

Елена Глушенко

Дикое
домашнее
животное

Елена Владимировна Глушенко

Дикое домашнее животное

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«– Неужели он и вправду вас укусил? – изумленно произнес кто-то прямо надо мной.

Я выпрямилась и оказалась нос к носу с хозяином агрессора.

От увиденного у меня буквально перехватило дыхание: трехдневная щетина на загорелой физиономии, русые волосы, небрежно откиннутые назад, и в довершение картины насмешливые прозрачно-зеленые глаза. Не знаю почему, но мне вдруг почудились звон мечей, ржание боевых коней, закованных в латы, и огромные кресты на развевающихся плащах.

– Кто бы мог подумать! – сказала видение, присело передо мной на корточки и взялось за мою истерзанную штанину.

Я смотрела вниз, на его макушку, выгоревшую практически добела, и пыталась справиться с отчаянно забившимся сердцем, в то время как Бруно сосредоточенно гонял по кругу истерично верещавшего шпица.

– Больно? – поинтересовался крестоносец, ощупывая мою ногу.

Я молчала, будучи не в силах вымолвить ни слова. Он поднял голову, глянул на меня снизу вверх и, не дождавшись ответа, выпрямился.

– Очень, – наконец просипела я, сглотнув комок в горле.

Я соврала.

Мне совсем не было больно. Но допустить, чтобы этот тамплиер исчез из моей жизни так же внезапно, как появился в ней, я не могла»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Глушенко

Дикое домашнее животное

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моей дочери

Глава 1

Бруно пританцовывал на месте и поскуливал, бедняга.

– Да иду, иду! – сказала я, лихорадочно зашнуровывая кроссовки.

Мне было стыдно: вчера после спектакля мы с Глебом слегка засиделись в ресторане и расстались далеко за полночь, так что сегодня утром я провалялась в постели дольше обычного. Конечно, сегодня была суббота, и я вполне могла позволить себе поспать еще, но, к сожалению, собаки не понимают, что такое выходной.

Бруно схватил поводок, я – куртку, и мы выскочили за дверь. Ждать лифт не было времени, так что мы сразу бросились вниз по лестнице.

– Доброе утро, – просипел нам вслед сосед из 58-й, едва успев отскочить в сторону.

– Здравсьте, ВанВаныч! – крикнула я в ответ, не оглядываясь, и помчалась дальше, перепрыгивая через две ступеньки.

За последние пять лет жильцы дома привыкли к нам и перестали бояться. А ведь было время, когда на нас жаловались участковому милиционеру и даже начальнику ЖЭУ!

Особенно старалась вредная старушенция с первого этажа, баба Таня, которую жутко раздражало то, что я никогда не придерживала за собой входную дверь.

Я прекрасно понимала бабу Таню, но как тут придержишь, когда тебя буквально танком выносит на улицу!

Однако со временем соседи перестали от нас шарахаться, осознав, что за исключением тех нечастых случаев по выходным, когда мы, заспавшись, неслись по лестнице, сметая все на своем пути, в остальное время Бруно был абсолютно интеллигентным, стопроцентно выдержанным аристократом. Впрочем, как и положено немецкому догу со звучным именем Бруно-Клаус-Фердинанд фон Грюненберг и родословной длиннее, чем у иного европейского монарха.

Ну, а уж когда в подъезде стало заметно тише и чище, поскольку его, наконец, перестали заплевывать и заливать (хорошо, если пивом) любители тесных компаний, которым Бруно с удовольствием демонстрировал чудовищных размеров клыки, с существованием моей огромной – восемьдесят шесть в холке – полосатой собаки смирилась даже баба Таня.

* * *

День обещал быть великолепным. Обожаю эту пору – уже не весна, но еще не лето.

Кругом все светилось тем свежим сочно-зеленым цветом, который бывает только в мае. Прохладный ветер норовил залезть под куртку, но солнце пекло уже не на шутку, и к середине дня воздух должен был совсем прогреться.

В парке почти никого не было. Собачники уже разошлись,

и на дорожках нам изредка встречались лишь бегущие вялой трусцой мужчины еще не старого вида, но почему-то все как один лысые, да редкие сонные велосипедисты.

Бруно с заинтересованным видом трусил от дерева к дереву, вынюхивая что-то ему одному ведомое. Я брела вслед за ним, еще не окончательно проснувшись. В голове прокручивались фрагменты вчерашнего балета, и звучал Адан.

Внезапно, откуда-то сбоку, из-за кустов выскочила маленькая лохматая собачонка, очень похожая на шпица, и, пронзительно лая, кинулась ко мне.

Я, конечно, люблю собак. Всяких. И всегда придерживаюсь того принципа, что если хорошо относиться к этим замечательным животным, то и они будут хорошо относиться к тебе. И так оно и было до сегодняшнего утра.

К сожалению, эта мелкая мохнатая сволочь ничего не знала о моих принципах и поэтому совершенно бесцеремонно вцепилась мне в ногу.

От неожиданности я настолько растерялась, что даже не пискнула. Лишь беспомощно затрясла ногой, пытаясь сбросить комок шерсти, повисший на правой штанине. Не тут-то было: мерзкое создание впилося в меня как клещ. Мне было не столько больно, сколько неловко.

Ситуацию спас Бруно. Он оторвал от хозяйки и отбросил в сторону этого агрессора, который уже в полете начал визжать и завизжал еще громче, приземлившись на куст и пытаясь выпутаться из ветвей.

– Эй! Какого черта! Держи своего уroda на привязи, если не можешь за ним уследить! – завопил какой-то мужик и ринулся в кусты.

От такой наглости я едва не задохнулась и пришла в себя только через пару секунд.

– Сам держи на привязи свою шавку, чтоб нормальных людей не кусала! – закричала я в ответ.

– Фигня! Фикс не кусается, – заявил этот тип, ковыряясь в кустах. – Он для этого слишком хорошо воспитан.

– Да?! Тогда, интересно, это что такое? – вложила я в свой вопрос весь сарказм, на какой была способна, и склонилась над покусанной ногой, оценивая причиненный мне ущерб.

Сказать, что адидасовский костюм был безвозвратно испорчен, значило слегка преувеличить, но все же на голубой штанине были очень хорошо заметны следы мелких острых зубов. Я искренне надеялась, что после стирки следы исчезнут.

– Неужели он и вправду вас укусил? – изумленно произнес кто-то прямо надо мной.

Я выпрямилась и оказалась нос к носу с хозяином агрессора.

От увиденного у меня буквально перехватило дыхание: трехдневная щетина на загорелой физиономии, русые волосы, небрежно откиннутые назад, и в довершение картины насмешливые прозрачно-зеленые глаза. Не знаю почему, но мне вдруг почудились звон мечей, ржание боевых коней, за-

кованных в латы, и огромные кресты на развевающихся плащах.

– Кто бы мог подумать! – сказало видение, присело передо мной на корточки и взялось за мою истерзанную штанину.

Я смотрела вниз, на его макушку, выгоревшую практически добела, и пыталась справиться с отчаянно забившимся сердцем, в то время как Бруно сосредоточенно гонял по кругу истерично верещавшего шпица.

– Больно? – поинтересовался крестоносец, ощупывая мою ногу.

Я молчала, будучи не в силах вымолвить ни слова. Он поднял голову, глянул на меня снизу вверх и, не дождавшись ответа, выпрямился.

– Очень, – наконец просипела я, сглотнув комок в горле. Я соврала.

Мне совсем не было больно. Но допустить, чтобы этот тамплиер исчез из моей жизни так же внезапно, как появился в ней, я не могла.

Запыхавшийся Бруно прекратил бесполезные попытки поймать моего обидчика, подошел к нам и уселся, вывалив язык и шумно дыша. Шпиц продолжал носиться по окрестностям, оглашая их истошными воплями, но на него уже никто не обращал внимания.

Тамплиер оглянулся по сторонам и, заметив неподалеку скамейку, предложил:

– Пойдемте туда.

Я как зачарованная последовала за ним и безропотно усе-
лась на скамью. А он снова присел передо мной и закатал
мою штанину до колена. Чуть выше белого носка на коже
явственно проступали маленькие красные отметины.

– Ничего страшного, – заявил незнакомец, внимательно
осмотрев мои жуткие раны. – Крови нет. Значит, жить буде-
те. А синяки сойдут дня через три-четыре.

Он распрямил штанину и уселся рядом.

В его голосе почему-то не слышалось ни малейшего со-
чувствия, и я потихоньку начала приходить в себя.

– Отличный экземпляр, – сказал крестоносец, закуривая и
одобрительно кивая в сторону Бруно, сидевшего в паре мет-
ров от нас.

«О да!» – подумала я, не сводя глаз со своего собеседника.
Экземпляр был и в самом деле отличный. От него прямо-та-
ки веяло духом дальних странствий, приключений и опасно-
стей.

Я почувствовала знакомое закипание в крови – верный
признак близкой охоты.

«Ты будешь моим», – пронеслось в голове.

«Сдурела? – тут же отозвался внутренний голос. – А если
он неженат?»

«Исключено, – отрезала я. – Такой красавец просто не мо-
жет быть ничьим».

Как раз в эту секунду красавец поднес сигарету ко рту, и я
с облегчением увидела кольцо на безымянном пальце правой

руки – там, где ему и положено быть.

«А как же Глеб?» – не унимался внутренний голос, но я велела ему заткнуться, и он заткнулся.

– Сколько ему? – спросил тамплиер.

– Кому? – не поняла я.

Он повернулся и насмешливо посмотрел мне прямо в глаза.

– Вашей собаке. Или это не ваша собака?

Я вспыхнула. И мгновенно пришла в себя.

– Это моя собака. Ему почти шесть. И, между прочим, в отличие от вашего пса он действительно хорошо воспитан.

– Это не мой пес, – усмехнулся незнакомец.

Я растерялась. Как же так?

А он продолжил:

– Это собака моей матери. Родители уехали в отпуск и доверили мне свое сокровище.

– Что ж вы не оправдали их доверие? – сварливо поинтересовалась я.

– С чего вы взяли? – крестоносец снова насмешливо посмотрел на меня. – Его же никто не покусал.

Ну и нахал! Я лихорадочно собиралась с мыслями в поисках достойного ответа, но он не стал меня дожидаться.

Не увидев нигде поблизости урны, он пожал плечами и щелчком запустил окурок подальше в траву. Потом неторопливо поднялся, сунул руки в карманы ветровки и повернулся ко мне.

– Всего хорошего. И не переживайте за ногу – до свадьбы заживет.

Едва заметно улыбнулся на прощание и пошел прочь. Через пару шагов незнакомец резко свистнул, откуда-то из-за кустов вынырнул наглый Фикс, и эта странная парочка скрылась за поворотом.

– Что это было? – спросила я свою собаку.

Бруно подошел поближе и принялся обнюхивать истерзанную штанину.

Я вздохнула.

– Пойдем-ка домой. Помоги мне встать.

Взялась за ошейник, поднялась и опасливо наступила на покусанную ногу.

Ну, что ж, вполне терпимо. И впрямь до свадьбы заживет. Вот только до чьей?

Глава 2

Все выходные я ни о чем другом не могла думать, а если бы даже и попыталась, то не получилось бы: стоило мне отвлечься хоть на минуту, как ноющая лодыжка тут же напоминала о случившемся в парке.

В воскресенье с утра нога разболелась с утроенной силой, однако в течение дня боль постепенно утихла, и в понедельник мы, выйдя из дома минут на десять раньше обычного, как ни в чем не бывало отправились на работу.

Я не оговорила – мы с Бруно пошли на работу. Здесь, наверно, требуется некоторое пояснение.

Дело в том, что пять лет назад я и не думала заводить собаку.

Нет, я всегда любила собак. Но, если можно так выразиться, издали. Просто как раз в то время Антонина, моя лучшая подруга и по совместительству главбух, надумала разводиться с очередным мужем и принялась делить свою роскошную четырехкомнатную квартиру. Понятно, что взятый за полгода до этих событий щенок немецкого дога от элитного производителя оказался Антонине совершенно некстати.

Подруга тоже любила собак и вовсе не собиралась отказываться от Бруно. Она лишь хотела, чтобы он побыл в надежных руках то недолгое время, пока решается квартирный вопрос.

Поэтому сначала мы попробовали пристроить щенка к моей маме. Мама не возражала. Однако возражала ее кошка, которая была категорически против присутствия чужака на своей территории. Злобная Зося не давала ему есть, спать, сидеть, лежать, дышать; нападала из-за угла и кусала за нос. Терпеливый Бруно стоически переносил все издевательства со стороны существа раз в пять меньшего, чем он сам. Первой не выдержала мама и через неделю вернула нам в кровь исцарапанную собаку.

Следующим на очереди был мой папа. Я очень надеялась, что ему на даче пригодится еще один грозный охранник. Увы, папу пригласили в Сорбонну читать курс истории государства российского за период с XVI по XVIII век, так что охранником папиной дачи Бруно так и не стал.

Деваться было некуда, и я согласилась приютить у себя это несчастное создание. К тому же Антонина клялась, что собака не задержится у меня дольше, чем на два-три месяца, и я, наивная, поверила, что так и будет.

Увы! Человек предполагает – Господь располагает.

Моя реактивная подруга действительно очень быстро, буквально в течение недели, нашла покупателя на свою квартиру, подобрала жилье бывшему мужу и принялась искать достойное жилье для себя и детей. И вот тут-то начались непредвиденные сложности. Если ей подходил район – не подходил этаж. Если устраивал размер – не устраивала цена. Когда же поиски, наконец, закончились, начался ремонт.

В общем, к тому моменту, когда пришла пора возвращать собаку, Бруно прожил у меня почти год, мы с ним стали одной семьей, и ни о каком возврате речь уже не шла. Антонина не решилась настаивать и завела себе лабрадора.

Вот так у меня появилась собака. И следует признать, что она появилась как нельзя вовремя: еще немного, и у меня бы начались проблемы со здоровьем.

До того я сутками напролет просиживала в офисе, на работу и с работы добиралась исключительно на машине и совершенно не занималась спортом. С появлением Бруно мой распорядок дня резко изменился.

Теперь при любой погоде я вставала в семь утра и выводила Бруно в парк. Точнее, это он меня выводил. Мы с ним делали кружок-другой трусцой вокруг пруда и выполняли пару-тройку нехитрых упражнений.

Потом мы возвращались домой, завтракали, и я начинала собираться на работу. Он следил за мной печальными глазами, а мое сердце разрывалось от жалости. Но я уходила, а он оставался один в пустой квартире.

О том, что Бруно от одиночества весь день воет, я узнала от ВанВаныча из 58-й.

– Уймите, наконец, ваше домашнее животное, – строго сказал мне однажды сосед, поправляя на переносице вечно сползающие очки.

Некоторое время я мучилась, не зная, что предпринять. Однако после того как это застенчивое полосатое создание

сначала сгрызло пару почти новых итальянских туфель, а затем буквально разворотило угол кушетки в прихожей, я нашла, наконец, единственное верное решение и поставила машину в гараж.

Хорошо быть самому себе хозяином: не нужно ни у кого спрашивать разрешения на самые дикие поступки.

Появление собаки в офисе вызвало фурор среди подчиненных. Даже выдавшая виды Антонина вопросительно подняла брови. А невозмутимый Бруно обошел мой кабинет, обнюхал мебель и улегся в углу за шкафом с документами, слившись с обстановкой.

Первое время сотрудники заглядывать в кабинет побаивались. Но со временем все успокоились.

Так в кадровом агентстве «Persona grata» появился внештатный охранник.

Умный пес быстро освоился и перезнакомился со всем персоналом. Он спокойно, но настороженно встречал посторонних и скоро научился узнавать постоянных клиентов.

И уже через пару месяцев всем стало казаться совершенно естественным ежедневное присутствие в кабинете директора огромной полосатой собаки.

Сердобольный народ постоянно норовил подкормить его чем-нибудь вкусненьким, но Бруно неизменно отказывался. Он мог взять с руки только у Антонины: все-таки первая хозяйка – почти что вторая мать.

Я перестала засиживаться после работы и полюбила наши

с ним неспешные возвращения домой.

По дороге мы заходили в магазин за продуктами. Пес ждал меня у входа. Затарившись, я отдавала ему сумку с покупками, и он горделиво нес в зубах нашу добычу.

А раз в неделю, по вторникам, мы с ним ходили в кафе «Минутка» к шеф-повару тете Вале за костями и мясными обрезками. Бруно обожал эти походы, с нетерпением ждал их и был готов тащить сумку с бесценным грузом хоть через весь город.

Так мы и жили – душа в душу. И нам не мешали даже мои изредка менявшиеся мужчины. Бруно не ревновал. Он прекрасно знал, что мужчины приходят и уходят, а он остается, и был совершенно спокоен насчет своего незыблемого положения в моем доме.

Глава 3

– Всем привет, – с порога заявила Антонина, влетая в кабинет.

– Бу, – ответил Бруно в знак приветствия и снова положил голову на передние лапы.

Я отстраненно следила за тем, как моя гиперактивная подруга раскладывает на столе документы на подпись.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросила я неожиданно для самой себя.

– Чего? – не поняла Антонина.

Я терпеливо повторила свой вопрос. Подруга перегнулась через стол, осторожно потрогала мой лоб и решительно уседелась в кресло напротив.

– Выкладывай, – потребовала она.

Я пожала плечами.

– Да собственно нечего выкладывать.

– Ага. Конечно. Так я тебе и поверила, – заявила подруга. – Я знаю тебя уже лет десять и не помню, чтобы ты когда-нибудь говорила про любовь.

– Неправда, – возмутилась я. – Мы с тобой только про любовь и говорим.

– Ага. Как же!

– А что? Разве нет?

– Нет, конечно, – не согласилась Антонина. – Это я гово-

рю, а ты молчишь. Потому что ты даже не знаешь, что такое любовь. Великая Несчастливая Любовь.

В голосе подруги прозвучали надрывные ноты, и Бруно встревожено шевельнул ушами.

«Ну, все. Понеслось!» – подумала я.

Не тут-то было. Подруга справилась с минутной слабостью и вернулась к тому, с чего начала.

– Ладно. Хватит обо мне. И не думай, что отвертишься. Признавайся – что стряслось?

Помявшись, я все же рассказала ей о субботнем происшествии.

– Надеюсь, хоть на этот раз он не женат? – с надеждой спросила Антонина.

– Еще как женат. Я проверила.

– А как же Глеб? – не сдавалась подруга.

Я поморщилась. Ну, точь-в-точь как мой внутренний голос!

– А что Глеб? Ничего с ним не случится. Как жил, так и будет жить. К тому же, я возможно больше никогда не увижу этого... типа.

Я лукавила. На самом деле я совершенно точно знала, что мы с крестоносцем не только встретимся, причем не раз, но и...

Сложно объяснить, откуда у меня была такая уверенность. Дело в том, что я всегда, всю жизнь, с самого раннего детства совершенно отчетливо понимала, чего хочу, и всегда полу-

чала желаемое. И не то чтобы я как-то упорно боролась за свои желания. Нет, все получалось само собой: просто я всегда знала, что что-то должно быть именно так, а не иначе, и это что-то именно так и происходило.

Вот и сейчас мне было предельно ясно, что будет дальше.

* * *

Принц Дезире с накачанными ляжками играючи крутил хрупкую Аврору, музыканты в оркестровой яме из последних сил доигрывали адажио, а у меня перед глазами стоял крестоносец.

– Хочешь поужинать? – спросил после спектакля Глеб.

– Нет, – отказалась я, немного поколебавшись. – Я устала. Отвези меня домой.

– Так ведь завтра суббота.

Вот именно.

* * *

Его машина остановилась у моего подъезда. Он выключил двигатель, и мы какое-то время посидели в тишине, разглядывая сонный двор. В отличие от Глеба мне нравилось то, что мы видели.

– Когда ты, наконец, выберешься из этой дыры? – ворч-

ливо спросил он.

Ну, что на это ответить? У меня было лишь два аргумента.

Во-первых, больше площади – больше уборки, а я терпеть не могу убирать. А во-вторых, мне нравился этот район – тихий, спокойный, совсем не престижный, зато очень зеленый. Да и парк был совсем рядом.

А близость парка с некоторых пор стала играть для меня чуть ли не главную роль.

Глава 4

– Ну уж нет! Это мой банан! Ты и так четыре штуки слопал.

Я разорвала желтую шкурку и демонстративно откусила большой кусок. Бруно переступил с лапы на лапу и шумно вздохнул.

«Жадина», – было написано на его морде.

– Вовсе я не жадина. Это ты обжора, – возразила я. – И не надо так на меня смотреть.

Эта собака ела все подряд: огурцы, капусту (в основном свежую, но годилась и квашенная, если не очень кислая), яблоки, арбузы.

Арбузы мой пес ел, как человек: аккуратно выкусывал сочную мякоть, оставляя после себя ровные полумесяцы зеленых корок.

Но больше всего (кроме мяса, конечно) Бруно любил бананы. Он виртуозно очищал их от кожуры и заглатывал целиком.

Я неоднократно объясняла ему, что в слаборазвитых африканских странах на бананах вскармливают грудничков, и что не к лицу (или не к морде?) саксонскому аристократу уподобляться безголовым мартышкам из кипплинговских джунглей. Но все было напрасно, так что солидная часть моего дохода уходила на бананы.

— Ну, хорошо. Так и быть. После парка заглянем в магазин. Напомни взять с собой кошелек.

* * *

К сегодняшней прогулке я готовилась очень тщательно. Обычно я никогда не крашусь перед утренним променадом, но сегодня был особый случай.

Я подвела глаза: неярко, но выразительно — чтобы собеседник не смог отвести от них взгляд. Накрасила губы розовым блеском с нежным клубничным ароматом. И не стала стягивать волосы в унылый хвост. Вместо этого я подкрутила их плойкой и оставила распущенными по плечам. Подумывала еще и надушиться, но потом все же решила, что это будет уже слишком.

На голубых штанах после стирки не осталось никаких следов от зубов противного Фикса. Пока я завязывала шнурки на кроссовках, раздумывая, стоит или нет надеть куртку от спортивного костюма, Бруно просунул голову в ошейник и с кошельком в зубах встал у двери.

На лавочке у подъезда уже собрались сплетницы со всего дома. Верховодила, как обычно, баба Таня. Мы с Бруно поздоровались персонально с каждой старушкой и уже нацелились было в сторону парка, когда баба Таня принялась во всех подробностях рассказывать нам о компании перевозбужденной молодежи, которая, то ли опившись, то ли обу-

рившись, уже вторую ночь не давала ей спать, распевая под окном непристойные песни и аккомпанируя себе на гитаре.

Пришлось признаться, что ничего такого мы не слышали, поскольку наши окна выходят на другую сторону дома. Тем не менее пообещали разобраться в ситуации, и нас наконец-то отпустили.

* * *

Я почти бежала к тому месту, где мы с ним встретились. Нет, я была абсолютно уверена, что он туда придет, но все же боялась, что мы можем разминуться.

Мы не разминулись – он был там. Сидел, развалившись на той самой скамейке, и беззаботно курил.

Фикс, учуяв добычу, тотчас ринулся ко мне. Но на это раз я была готова к нападению и, подпустив поближе, с грозным криком топнула ногой. Он взвизгнул и отскочил в сторону. Трус!

Бруно вопросительно посмотрел на меня, испрашивая разрешения приступить к ликвидации.

– Не хочешь вони – не трогай клопа, – посоветовала я и направилась к скамейке.

Он не встал при моем приближении, не бросился ко мне. Он даже не переменял позы! Так и сидел, откинувшись назад, курил и наблюдал за тем, как я подхожу.

– Привет! – сказала я и грациозно опустилась на скамейку

рядом с ним.

– Привет! – отозвался он.

Мы помолчали.

– Как нога? – вежливо осведомился он.

Я закатала отстиранную штанину и продемонстрировала ему свою идеальную ногу – идеальную не в смысле красоты (хотя у меня и с этим все в порядке), а в смысле здоровья.

– Зажила, – доложила я.

– Поздравляю, – сказал он, не выказывая ни малейшего волнения.

Мы посозерцали мою лодыжку примерно с полминуты, и я вернула штанину на место.

Снова воцарилось молчание. Он как ни в чем не бывало закурил новую сигарету.

Мы сидели на скамейке, глядя прямо перед собой: он, абсолютно расслабленный, и я, натянутая как струна. Я все ждала, когда же он заговорит со мной, спросит о чем-нибудь. Но он, похоже, не собирался делать ничего подобного.

Я ни черта не понимала. Все шло не так! Похоже, я его совсем не интересовала!

«Пришел, увидел, победил», – это не только про Цезаря. Это еще и про меня. Так всегда было.

Я встречала мужчину, решала, что он будет моим, и он становился моим. Причем, без особых усилий с моей стороны. Просто я принимала решение, глядела в глаза своей жертве (или не глядела – смотря по обстоятельствам), и все

– готово!

Где, когда, при каких условиях и как надолго – меня сроду не интересовало, что на этот счет думал тот, кого я выбирала. Решала я. Всегда.

По вчерашний день включительно.

Однако сегодня, чудесным майским утром, я, практически самая красивая женщина на планете, сидела на скамейке рядом с мужчиной своей мечты и с ужасом понимала, что совершенно ему не нужна. Он не обращал на меня ни малейшего внимания!

А я-то как идиотка красилась, кудри крутила! Обхохочешься! Антонине точно плохо станет от смеха, если я ей об этом расскажу.

Я прекрасно знала, как держать мужчину в постоянном напряжении, но понятия не имела, как это самое напряжение вызывать – в моем присутствии оно всегда появлялось само собой. Всегда, но сегодня!

Я никогда не заигрывала с мужчинами, не строила глазки, не принимала эффектные позы и не складывала губки бантиком. Эти уловки из арсенала глупых кукол в моем случае были лишними. К тому же, меня не интересовали мужчины, на которых могли произвести впечатление подобные приёмы.

Но сейчас я была готова на все – даже строить глазки. И оттого, что я абсолютно не представляла, как это делается, я чувствовала себя беспомощной душой.

Полное фиаско! Сейчас он докурит свою сигарету, встанет, безразличным тоном бросит: «Пока!» и исчезнет навсегда, оставив мои красивые безжизненные останки на скамейке в дальнем углу заброшенного парка.

Ну уж нет! Меня еще никогда не оставляли. Всегда оставляла я. И, похоже, это единственное, что я еще могу сделать, чтобы окончательно не потерять лицо.

Так что я с хрустом потянулась, словно после хорошего отдыха, и встала, улыбаясь как ни в чем не бывало.

– Ну, ладно. Мне пора. Чао!

И пошла прочь, не оглядываясь, гордо подняв голову.

* * *

То, что мы с Бруно остались без бананов, выяснилось лишь на выходе из парка – будучи в растрепанных чувствах я забыла на скамейке кошелек.

Первым порывом было вернуться.

«Ни за что, – тут же отозвался внутренний голос. – И без бананов обойдетесь. Не хватало еще позориться».

И я смирилась.

Ближе к вечеру я вспомнила, что в кошельке, кроме пары тысяч, была и моя визитка, и решила, что еще не все потеряно. Если, конечно, этот тип не окажется мелким жуликом и не прикарманит мои деньги.

* * *

Вечером он не позвонил. И в воскресенье тоже. Значит, жулик.

Глава 5

– Ну что? Покорила? – поинтересовалась в понедельник утром Антонина.

– Без комментариев, – сухо ответила я.

– Не хочешь – не надо, – поджала губы подруга.

Ну вот, она обиделась. Я вздохнула. Придется объяснить.

– Не обижайся... Не то чтобы я не хотела рассказывать...

Просто мне... даже не знаю, как сказать... стыдно, что ли.

– Стыдно? – изумилась Антонина. – Я и не знала, что тебе может быть стыдно.

Теперь настал мой черед оскорбиться:

– Я что, по-твоему, – совсем бесстыжая?

– Ну... Нет, конечно, – смутилась она. – Просто ты так редко задумываешься над тем, что вытворяешь. И я уж точно не помню, чтобы ты когда-нибудь чего-нибудь стыдилась. Что произошло?

– Да в том-то и дело, что ничего не произошло! – чуть не завопила я.

Что-то в последнее время у меня нервы стали совсем ни к черту...

– Но ведь что-то же случилось? – не сдавалась подруга.

Я вздохнула.

– Случилось то, что я ему не понравилась.

Ох, как, оказывается, непросто в таком признаваться!

– О... – сделала круглые глаза Антонина. – Неужели такое возможно?

И мне захотелось стукнуть ее по лбу большой круглой печатью.

– Ну и... что? – она сгорала от нетерпения.

– И все.

Я уже жалела, что призналась.

– Как это – все? И больше совсем-совсем ничегошеньки?

– Совсем. Я просто встала и ушла. А он даже не окликнул. Мы помолчали.

Подруга покусывала губы, явно подбирая слова.

«Сейчас начнется», – поняла я.

– Слушай, – осторожно приступила к делу Антонина. – А тебе никогда не приходило в голову, что женатый мужчина может и не хотеть заводить шашни на стороне? А? Даже с такой красоткой, как ты. А? Может, уже пора переключиться на холостых? Или хотя бы разведенных?

– Тонечка, – ласково промурлыкала я. – Уж чья бы корова мычала...

И моя подруга завелась с пол-оборота, как настоящий «Мерседес».

Во-первых, она терпеть не может, когда ее называют Тоней. А уж за Тосю и вовсе убить может.

А во-вторых, это был наш с ней давний и принципиальный спор.

– Как ты можешь меня упрекать? – ее голос зазвенел близ-

ко к сверхзвуковому диапазону. – Ты же знаешь, у меня особый случай.

Да, конечно. В отличие от меня у нее был особый случай. Как всегда.

С год назад Глеб позвал меня на какую-то тусовку, а я прихватила с собой Антонину. Она в то время находилась в глубокой депрессии по причине отсутствия спутника жизни и отчаянно желала влюбиться. Хоть в кого: в красивого, страшенького, богатого, бедного – все равно. Единственным условием было неженатое положение кандидата.

Так что энергичному, напористому и чертовски уверенному в себе Борису ничего не стоило покорить мою расклеившуюся подругу. А то, что он все-таки был женат, выяснилось слишком поздно.

У него была большая семья (кажется, не то трое, не то четверо детей), и он вовсе не собирался оставлять жену. Однако и расставаться с Антониной не входило в его планы.

Она неоднократно пыталась с ним порвать, захлопывала дверь перед его носом, но этот упертый мужик обладал уникальной способностью проходить сквозь стены. Причем каждый раз не с пустыми руками. Поэтому его неизменно впускали, прощали, а потом снова пытались выпроводить.

За последний год моя упитанная подруга похудела на восемь килограммов, трижды сменила цвет волос и из жизнерадостной болонки превратилась в желчного фокстерьера.

Я знала все подробности ее «Великой Несчастной Любви»

и много раз уговаривала Антонину бросить этого проходимца. Она соглашалась, пыталась и...

– Тебе легко говорить! У тебя же нет сердца, которое может болеть! – пожаловалась она надрывно. – А я люблю его!

Все как обычно. Я слышала это тысячу раз.

– Ты любишь не его, а то, что он может тебе дать, – принялась терпеливо объяснять я, тоже как обычно. – Однако заметь: он может, но не дает. А почему? Потому что ему это не нужно. У него и так все есть – и семья, и жена, и дети.

Антонина поджала губы. А я продолжила:

– Напомни, пожалуйста, сколько раз ты грозила ему покончить с собой, если он не разведется?

– Четыре, – нехотя ответила подруга.

Все правильно. Мы собирались утопиться, отравиться, повеситься и под занавес выброситься из окна второго этажа аккуратно в клумбу с настурциями.

– А сколько раз он обещал тебе подать на развод?

– Тоже четыре, – процедила сквозь зубы Антонина.

– Ну и где этот развод?

Молчание.

– И потом, ты же в курсе, что счастья на чужом несчастье не построить. Ну, разведешь ты его, в конце концов. И что? Неужели ты сможешь спокойно жить с ним, зная, что где-то на другом конце города есть безутешная женщина, по ночам рыдающая в подушку, и ее несчастные дети, которые никак не могут уразуметь, куда делся их дорогой папочка?

– Когда ты так говоришь, я прямо-таки нимб вижу вокруг твоей головы, – огрызнулась Антонина. – Отчего же тогда ты, такая правильная, живешь исключительно с женатыми мужиками?

Ну, сколько раз можно объяснять!

– Во-первых, Тонечка, – начала я очень ласково, – я не живу с женатыми мужиками. Я вообще ни с кем не живу, как ты знаешь. Потому что мой дом – это исключительно мой дом. А во-вторых, и это ты тоже прекрасно знаешь, я ни разу в жизни не пыталась разрушить чью-либо семью. Я встречаюсь – заметь, встречаюсь, а не живу! – лишь с теми, кому нужно всего лишь то же, что и мне: дружеское общение. И никаких обязательств.

Насмешливое фыркание в ответ.

– Да-да, именно общение. И не надо фыркать. Да, признаюсь, я сплю с ними. Иногда. Но по большому счету мне всего лишь нужен интересный собеседник и спутник для культурных мероприятий. Потому что в отличие от тебя, моя дорогая подруга, я живу насыщенной культурной жизнью.

И это была чистая правда. Я люблю искусство глубокой преданной любовью и ни за что не пропущу ни одну мало-мальски значащую премьеру или выставку.

– А как же несчастные женщины, рыдающие в подушку? – ехидно поинтересовалась Антонина.

– В моем случае нет и не может быть никаких несчастных рыдающих женщин, – отрезала я с уверенностью, которой на

самом деле вовсе не ощущала.

Если честно, я старалась об этом не думать, искренне надеясь, что жены моих мужчин ни о чем таком не догадывались.

С другой стороны, если эти глупые курицы были настолько бестолковы, что позволяли своим мужьям заводить шуры-муры на стороне, то это уже были не мои проблемы.

Антонина помолчала, задумчиво покусывая мою любимую шариковую ручку.

Она всегда грызла шариковые ручки, когда размышляла, а размышляла Антонина много. А если она их не съедала, то теряла. Так что у нас был постоянный перерасход по статье «Канцтовары».

– Знаешь, – заявила подруга после паузы, – ты все-таки нечто. Не могу сказать, что ты абсолютно беспринципна, потому что кое-какие понятия у тебя все же имеются. Да и не мне, если честно, тебя судить. Но ты определенно странная... А кроме того, ты возвела такую высокую стену вокруг своего хрустального замка, что ни один нормальный принц на нее просто не вскарабкается.

– Мне не нужны нормальные принцы. Мне вообще никто не нужен, – ответила я.

– А как же он? – спросила Антонина.

Он... Я помрачнела. А был ли мальчик?

– А что он? Он, похоже, спер мой кошелек.

Вот тебе и принц.

Неделя прошла как обычно, не считая того, что я все это время находилась в угнетенном состоянии. Конечно, я скрывала это, как могла, но Антонина чувствовала мое настроение и старалась не приставать. Лишь один-единственный раз она позволила себе какую-то невнятную сентенцию про избалованного ребенка, в кои – то веки не получившего очередную игрушку, но я проигнорировала ее замечание.

Честно говоря, мне было очень сильно не по себе. Ведь никогда до этого меня не постигала подобная неудача. Я всегда была абсолютно уверена в своих силах. А тут...

К концу рабочей недели я, наконец, поставила жирный крест на своем крестоносце – уж простите за каламбур – и окончательно успокоилась. А потом позвонила Глебу и позвала его на открытие очередной выставки.

Глава 6

В четверг вечером в агентство заглянул Валера Лосев, старинный знакомый и тайный поклонник моей подруги.

Точнее, это он думал, что тайный. И вот это было самое удивительное, потому что Валера Лосев был профессиональным психологом, сотрудничавшим с правоохранительными органами. И уж с его-то опытом не знать, что тайное всегда становится явным...

Много лет назад они с Антониной вместе учились в университете на психологическом. Правда, потом моя подруга, чтобы прокормить семью, переквалифицировалась в бухгалтера. А вот Лосев как-то перетерпел, выжил, и теперь процветал – у него была собственная частная практика. Мы сотрудничали с ним и совместно проводили различные тренинги и семинары по подбору кадров и управлению персоналом.

Лосев давным-давно, еще со времен университета, сох по Антонине и свято верил, что она ни о чем таком не догадывается. Разумеется, она все знала и бессовестно этим пользовалась.

Там была какая-то темная история.

Кажется, они встречались недолго. Потом что-то случилось, какая-то ужасная непоправимая ошибка, и все кончилось. Лосев попытался реабилитироваться, но у него ничего

не вышло.

Со временем Антонина сменила гнев на милость, снова стала называть его Лосиком, но ближе вытянутой руки уже не подпускала.

Валера был рад и этому. Он уверил себя, что все прошло, былого не вернуть, и надо жить дальше. Бедолага думал, что у них теперь дружба.

А Антонина на полном серьезе считала его своим рабом и эксплуатировала по-черному.

Именно Лосик организовывал ее бесконечные переезды с квартиры на квартиру – следствие многочисленных разводов. Это он пристроил Антонининых детей в престижные школы: сына – в технический лицей, дочь – во французский коллеж. Когда детям захотелось собаку, именно Лосев нашел для них сначала немецкого дога Бруно, а затем Теренса, толстого белого лабрадора.

У него были знакомые во всех организациях города и на всех этажах власти. Он мог достать любую вещь и организовать любое мероприятие.

Единственным, что оказалось ему не по зубам, была Антонина.

* * *

– Привет, девчонки! – пропел Валера, вплывая в мой кабинет.

Не знаю никого, кому бы так шел светло-бежевый цвет. И совершенно не представляю, как ему удавалось в мятом льняном костюме выглядеть английским аристократом.

Если вы подумали, что Валера Лосев был ботаником, то ошиблись. Лосев был настоящим городским пижоном, прекрасно разбирался в модных тенденциях и с удовольствием покупал и носил шикарные вещи.

Я с тайной завистью ощупывала его кашемировые джемпера и сетовала, что никак не могу подобрать для себя что-либо похожее. Мы с ним были готовы часами обсуждать технологии итальянских обувщиков и буквально упивались родством душ.

А Антонина в припадке плохого настроения любила повторять, что мы просто близнецы – оба хищники и прожигатели жизни.

На счет себя я бы, разумеется, так не сказала, но то, что Лосев брал от жизни все, сомнению не подлежало. Но я его не осуждала. Возможно, он таким образом компенсировал свою неудачу с моей подругой.

Одно время, совсем недолго, я даже подумывала завести с ним роман, но, во-первых, он был неженат, а во-вторых, это все равно, что спать с братом. К тому же я чувствовала, что Антонине это вряд ли понравится. Так что я оставила эту затею. К всеобщему спокойствию.

– Как дела, приятель? – спросил Валера, теребя Бруно за ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.